

ПРАВООПОНМАНИЕ В КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО СОЦИУМА

А.Н. Иванов

В статье с позиции широкого (мировоззренческого) правопонимания рассматриваются проблемы правобытия, осмысления человеком себя в правовой реальности, социальной коммуникации в жестких рамках традиционного для социальной философии подхода разграничения права и морали, что находит диалектическое разрешение в авторской концепции правового социума.

В своей известной работе «Философские проблемы права», вышедшей в начале 70-х годов прошлого века, Д.А. Керимов, с идеологических позиций анализируя сущность права, отмечает все же весьма интересную деталь. Со ссылкой на немецкого юриста К.А. Емге и его итальянского коллегу Ж. дель Веккио он констатирует, что еще со времен Канта отсутствует сколько-нибудь четкое определение права, которое бы пользовалось «всеобщим признанием» [1].

Заметим от себя, что и по прошествии полувека (книга Ж. дель Веккио «Lehrbuch der Rechtsphilosophie» вышла в Базеле в 1951 году) с этим вряд ли можно не согласиться. Как отмечает профессор Л.С. Мамут, имеющиеся отдельные, к тому же берущиеся обособленно друг от друга определения «сами по себе (ввиду своей одномерности) отобразить право в его целостности, в истинном его объеме и смысле не могут» [2].

Сегодня, в условиях современного постиндустриального общества, когда «рожденная» человеком информация становится, по сути, первейшей ценностью цивилизации, когда новейшие технологии конституируют социальный порядок, когда снежной лавиной растет законодательный и в целом *нормативно-правовой* массив, когда право с субстанциальной позиции общечеловеческой, социокультурной ценности все более перемещается к позиции сугубо праксиологической, определяемой принципами человеческой деятельности, а сам человек становится «продуктом» цивилизации, социальной абстракцией, проблема соотношения естественного и искусственного в праве, меры права в социуме определяет необходимость поиска новых вариантов осмысления.

Важность исследований такого рода обусловлена, с одной стороны, нетождественностью нормативного и обыденного *правопонимания*, а с другой – отсутствием в различных областях научного знания единства представления о субстанциальных, сущностных началах правовой реальности, о феноменальной, а не только искусственно-инструментальной природе права, о месте человека и роли его *индивидуального мира* в правовой реальности как системе координат естественного и искусственного.

По Гегелю, разум, принятый как понятие субъективного духа, есть *знание* [3]. Тогда понимание есть самосознание знания, *субъективное знание объективного*. Следовательно, понимание права тоже есть субъективное знание права как объективного явления. Отметим это как стержневой момент *правопонимания*.

С философской точки зрения, право есть то, что наиболее тесно и очевидно связывает *социальное* воедино, консолидирует его. В этом случае оно предстает как универсальная категория социума: как актуальное и потенциальное в нем, как естественное (природное) и искусственное (человеческое), как добро и зло, как трансцендентное и трансцендентальное, как объективное и субъективное. Но потому же одновременно право предстает и как феномен универсума: как непостижимое, отчасти даже загадочное явление.

Итак, правовой аспект универсальной картины мира, процессы влияния права на социум, бытия права в правовой реальности, проблемы самоорганизации и саморегулирования социума в целях достижения и сохранения социального порядка – вот блок характеризующихся внутренней связанностью вопросов и явлений, который является предметом нашего многолетнего исследования и относится к тому, что определяется нами как правовой социум [4].

Бытие права в мире людей, которое есть правовая реальность, подразумевает и включает в себя правовую определенность и упорядоченность мира человеческого бытия, понимание права, собственно правовой (юридический, текстуально определенный) подход к основным отношениям, формам, институтам и установлениям (правовым актам нормативного и ненормативного характера) в общественной жизни людей.

Оригинальную точку зрения о роли и месте человека в правовой реальности, о признании за каждым человеком атрибута быть правовым существом предлагает В.П. Малахов. «Правовое существо, – пишет он, – это человек, бытующий в сетке координат правовой реальности и перестающий быть полноценным человеком, как только он за пределы этой сетки выходит...» [5].

Однако в мировоззренческом отношении для нас важно определить, что же именно человек понимает для себя под правом, и особо подчеркнуть тот факт, что в своих взаимоотношениях с миром права, с правовой реальностью он подвергает все правовые данности, в том числе (и прежде всего) нормы позитивного права как объективированной формы государственного воления, нормы права с точки зрения юридической науки, сомнениям, проверкам, суждениям и оценкам *своего* разума – обыденного, спекулятивного, теоретического, философского. Но если цель законодателя в отношении права – это публичный порядок, то цель разума – это прежде всего автономная истина, справедливость, правильность, *правда*.

Право – такой социальный феномен, который невозможно оценивать только с юридической точки зрения. Думается, именно в этом состоит методологический смысл недостатков многих интерпретаций права. В основу же подлинного, жизненного, реального права должна быть положена духовно-культурологическая идея, имманентная правовому сознанию.

Говоря о феномене права, мы непременно обозначаем его объективный дуализм, нашедший свое выражение в традиционном делении права на естественное (гомогенное природному началу человека) и позитивное, установленное государством, т.е. «искусственное» право.

Естественное право обуславливается, с одной стороны, наличием у людей естественных начал – *прав* человека, заложенных самой природой человека и в силу этого, в принципе, не зависящих от чьего-либо признания или непризнания; с другой стороны – нравственностью человека, его критическим отношением к самому себе и к другим.

По мере общества естественное право существует и транслируется в поколениях в форме морали, общественной оценки благоволия и добродетельности конкретного индивида, то есть его долженствования вне самого себя. Само бытие человека, таким образом, детерминировано естественным правом как совокупностью природного (естественных прав человека) и социального (мораль и нравственность) начал.

Главное в позитивном, искусственно созданном людьми праве – это необходимость проявления в нем справедливых (по мере организованного, структурированного общества) начал в той мере, в какой это возможно

осуществить с помощью чисто юридических средств. При этом именно справедливость должна оставаться духовной инвариантой правовой системы общества, в противном случае право теряет свой исходный социальный смысл, перестает быть востребованным и *достойным* регулятором общественных отношений. Ведь даже наилучший порядок теряет свой потенциал, если не находит добросовестных и ответственных интерпретаторов [6].

В то же время государство, законодатель, принимая полезные для общества законы – воля позитивное право, пытается облечь в правовую форму и эту, естественно-правовую сферу человеческого бытия и человеческих отношений, конституируя и нормативно закрепляя в правовых нормах не только комплекс тех или иных естественных прав и свобод, регулируя соответствующие им правовые отношения, пытается устанавливать, наряду с ответственностью юридической, *критерии* моральной и нравственной ответственности.

Примером легитимации морали здесь могут служить положения ст. 55 Закона «Об образовании», статей 81 Трудового или 213 Уголовного кодексов Российской Федерации. Такое положение восходит к учению И. Канта, морально оправдывающему и возвышающему «материю», что достигается ценой юридикации морали, принципом и категорическим императивом которой оказывается принцип права [7].

Следовательно, право не сводимо ни к естественно-правовому закону и правам человека, ни к совокупности юридических норм, институтов, отраслей и выступает перед исследователем как «сложная система» [8].

Кроме классического деления права на естественное и позитивное, Древний Рим и Фома Аквинский, например, делили право на божественное и человеческое, Аристотель и Г. Гроций – на естественное и условное (волеустановленное), П.Г. Редкин – на рациональное и реальное, Э. Дюркгейм – на репрессивное и реститутивное; Мартин Лютер проповедовал деление права на божественное и естественное, при этом под естественным правом понимал исключительно свободу совести, т.е. нравственное начало.

С феноменологической точки зрения, право «проявляется» только в обществе как специфический порядок общественных отношений, участники которых имеют определенную социальную *свободу* действовать тем или иным образом, закрепленную в обязанностях других. Мера этой свободы устанавливается соционормативно (в виде субъективных прав и обязанностей) и определяется социально признанными и обязательными для всех правилами должного поведения членов общества [9].

Этот общий смысл права получает всегда конкретное содержание и может быть интерпретирован с различных позиций – односторонних, тем не менее, в своем абсолютизме. В частности, право может иметь ряд значений:

а) аксиологическое (ценностное) – когда раскрывается, что именно представляет ценность в существующем праве, например интерпретация права как справедливости, формального или реального равенства, свободы личности и т.д.;

б) телеологическое – когда раскрывается, какие цели и задачи преследует право (на этой основе право интерпретируется как мера свободы или мера разграничения интересов);

в) политическое – когда раскрывается, чьим интересам служит право в первую очередь (классическая марксистская интерпретация права: возведенная в закон воля господствующего класса);

д) нормативное – где право раскрывается через совокупность норм позитивного права;

е) формальное – когда право раскрывается как необходимая мера свободы, равенства и справедливости; возможны и другие интерпретации сущности права.

Анализ различных подходов в определении права показывает, что все они исходят из единства фундаментальных оснований и элементов права как социального феномена. Действительно, право можно определить как общую меру *свободы, равенства и справедливости*, выраженную в системе формально-определенных или охраняемых публичной властью (*законом*) общеобязательных норм (правил) поведения и деятельности социальных субъектов. Однако концептуальные подходы к пониманию права и его роли в жизни человека и общества не ограничиваются этой дефиницией и могут весьма существенно различаться.

Сущность права может рассматриваться исходя из таких критериев оценки, как бытие свободы (Гегель, Б.Н. Чичерин, В.С. Нерсисянц), мера должного (И. Кант, В. Виндельбанд), продукт истории (Ф.К. Савиньи, В.С. Соловьев, О.Э. Лейст), форма общественных отношений и средство охраны интересов (Р. Иеринг, С.А. Муромцев, П.И. Стучка), возведенная в закон воля господствующего класса (К. Маркс, В.И. Ленин, Л.А. Зеленев), инструмент регуляции деятельности людей (А.Ф. Никитин, В.П. Малахов) и т.д.

Нельзя не упомянуть и о предпринимаемых современными российскими учеными-правоведами (В.В. Лазарев, Е.А. Лукашева, В.Е. Гулиев, О.В. Мартышин и др.) шагах по *интеграции* всех существующих подходов к определению сущности права. «...Трудно предсказать детально, каким станет право в XXI веке, – пишет член-корреспондент РАН Г.В. Мальцев, – но ясно, что понимание права будет совершенно иным по сравнению с тем, которое сегодня владеет нашим разумом. Оно будет основано на интеграции общественного и естественно-научного знания, на существенном переосмыслении привычных для нас представлений о связях общества, природы, космоса, биологического и социального, материального и духовного, рационального и иррационального» [10].

Характерно, что исторически философско-правовая мысль восходит именно к правде и справедливости. Это уточнение позволяет наиболее последовательно и четко определиться в методологии, аксиологии, гносеологии и праксиологии права как явления.

По большому счету, древний мир еще не знал права, как понимаем его мы. Зато античная философия знала правду, справедливость и из нее выводила закон. Греческая идея *дикэ* как космической справедливости типологически сопоставима с древнеегипетским понятием «маат» (персонификация правды) и ведическим понятием космического закона – «рта».

У Гомера и Гесиода справедливость предстает как правда (*dikē*), у Гераклита – как божественная справедливость и правда, у Демокрита – как природная справедливость. Платон уже рассуждает о *dikaionē* (справедливости) и *dikaion* (праве). Аристотель развивает эту мысль в своем учении о двух видах политической справедливости – справедливости распределительной и справедливости направительной [11]. «Один вид частной правосудности и соответствующего права (*to dikaion*) связан с распределением... Другой [вид] – направительное (*diortōtikon*) право...» – отмечает он [12].

Выдающийся античный мыслитель, пожалуй, впервые предпринял попытку всесторонней разработки науки о политике, в которую он включал также учение о праве и законе. В учении о справедливости Аристотель говорит о ней как о части добродетели и рассматривает *dikaion* как *правосудное*, правосудие, право, а *dikaiousunē* – как *правосудность*, добро (т.е. внутреннее свойство). Таким образом, Стагирит различает два аспекта – общий и частный: в первом случае справедливость предстает как «совершенная добродетель», во втором – как отдельная добродетель в ряду других.

Само право Аристотель рассматривал как явление политическое и называл *политической справедливостью* или политическим (общественным, полисным в его понимании) правом. По Аристотелю, и естественное, и условное, установленное людьми право – суть явления политические. Как видно из его рассуждений, естественное, как данное человеку природой, право частично обуславливается волей политической, не становясь, однако, волеустановленным правом в собственном смысле этого слова; условное (узаконенное) право лишь «дублирует» природу, как бы подтверждая очевидное. «Какое право от природы, – пишет Аристотель, – а какое по закону и уговору, если речь идет о том, что может быть и так, и иначе, и при условии, что и то и другое подвержено изменениям, также ясно» [13].

Таким образом, естественное право не противопоставляется праву волеустановленному (иными словами, природа – человеческой воле), а взаимосвязывается через концепцию условного права. При этом в аристотелевском понятии фиксируется совпадение и единство естественного, политического, этического (волевого), дианоэтического (интеллектуального) и правового моментов, поэтому и само политическое право у Аристотеля детерминирует необходимость соответствия условного права (включая право волеустановленное) праву естественному. Критически анализируя государственную справедливость разных народов и племен, в «Политике» Аристотель так пишет по этому поводу: «Не может быть законным властвование не только по праву, но и вопреки праву, а подчинять возможно и вопреки праву» [14], что, по его мнению, противоречит самой идее права.

Фактически Аристотель открыл человечеству феномен *общественного права*, обозначил значение и перспективу социальной справедливости и коммуникации.

К справедливости (*aequitas, iustitia*) восходит и понятие *ius* (право) в Древнем Риме, а рецепция римского частного права, как известно, охватывает весь цивилизованный мир. Большое внимание уделялось справедливости признанным родоначальником современного гуманитарного (международного) права Гуго Гроцием.

Философская мысль эпохи Возрождения и Нового времени все более обращается к идеям свободы и равенства; хотя одновременно набирает силу и позитивизм. С правом в узком смысле слова, как отмечает Кант, связано правомочие принуждать. Но право в его широком смысле апеллирует к справедливости и праву крайней необходимости: «первая допускает право без принуждения, второе – принуждение без права» [15].

Если у Канта право (когда произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы) – это долженствование, то у Гегеля оно – действительность, практическая реализованность разума в определенных формах наличного бытия людей. Заслуга Гегеля состоит в том, что с позиций философского подхода к праву он отвергает высший авторитет

позитивного, исторически данного права. Но, характеризуя право как *закон*, он пишет: «То, что есть право *в себе, положено* в его объективном наличном бытии, т.е. определено для сознания мыслью и *известно* как то, что есть и признано правом, как *закон*; посредством этого определения право есть вообще *позитивное* право» [16]. Такой вывод очевидно свидетельствует о призыве к познанию естественного права *через* закон. И это верно, ведь контраст позитивного и философского понимания права, глубокое изучение и исследование полностью познаваемого из них – закона – позволяет лучше и точнее определить сущность феномена права в целом.

Марксистская теория права, представленная такими выдающимися мыслителями, как К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, акцентирует внимание на идеологической и экономической стороне правовой проблематики, отвергает принцип формального равенства индивидов по отношению к средствам производства. «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества», – констатирует К. Маркс [17]. Действительно, адекватное нам рассмотрение права невозможно в отрыве от законодателя, от власти и ее идеологии, а значит – вне ее экономической основы, ибо «право... придает всякой власти, у которой оно заимствует принудительный характер, правовую форму, и ей власть... обязана тем, что она становится обязательной» [18].

Такова динамика движения философской мысли: от представлений о праве как справедливости через идею права как свободы и равенства к представлениям о праве как законе.

Нормативистское правопонимание, обоснованное восходящим к теории Т. Гоббса «чистым учением о праве» Г. Кельзена, настолько укоренилось в современном правосознании, что создает реальную угрозу существования самой идеи права, которая, как показано выше, основывается на идее правды (*dikē*) и справедливости (*dikaíosynē*), а потом уже, во вторую очередь – на человеческом законе (*nomos*).

С момента своего рождения и до самой смерти человек пребывает не только среди людей, в мире себе подобных индивидов, но и в социально упорядоченной среде, исторически сложившейся как государство, вследствие чего большая часть его биологического существа подвергается постоянному вмешательству со стороны общества. Так начинается «путь» человека: от индивида через личность к гражданину, осмысленно подчиняющему себя воле *закона*.

Между тем человек как часть природы всегда остается особым биопсихическим субстратом, со своим внутренним миром *в себе* и со своим сугубо индивидуальным отражением мира *вокруг себя* – во всем многообразии его восприятия, познания и освоения.

Индивид *неотвратимо* ассоциирует *свою*, выраженную как в идеях, так и в *деятельности* волю, свое субъективное понимание социального порядка, с облеченной в правовые формы государственной волей, с установленным законом правопорядком. В итоге он приходит к согласию либо противоречию воли, принимает либо отторгает предписываемый ему правовой порядок.

Даже если во внешнем поведении человека проявляется его конформизм или равнодушие, человек мыслящий не может избавиться от внутренней оценки согласования воли; открывающиеся ему осознанно или подсознательно противоречия рефлектируют к глубинам его внутреннего «Я». Поэтому не будет преувеличением сказать, что проблема соотношения собственного мировоззрения,

собственной воли и внешнего, привнесенного, государственного воления сопровождает человека на протяжении всей его жизни.

Уже для индивида возникает важнейшее и по сути своей неразрешимое двойственное противоречие: – с одной стороны, между правом как внутренней гармонией, естественной, природной правильностью, которая и есть для него правда и справедливость, и провозглашенной суверенной властью, а потому intersubъективной социальной справедливостью, с другой – между правом как кастовой волей и дозволением, между правом как направлятельным *правом* (дистрибутивной справедливостью) и правом как распределительным правом, правом как *законом* (коммуникативной справедливостью).

По нашему убеждению, в ходе индивидуализации, и особенно социализации, данное противоречие не только не находит своего разрешения, но напротив – нарастает и углубляется, порождая проблему отчуждения личности от государства, а то и более опасную для общества проблему *социальной агрессии личности* (типичный пример наших дней – терроризм).

В наиболее общем виде право как феномен социальной действительности можно охарактеризовать как:

- проявление правовой идеи (мысли) и правового чувства;
- социально-исторический и культурный фактор устойчивости социума и развития общественных отношений;
- выразитель формальной справедливости, свободы и равенства в обществе;
- один из «отобранных временем» типов социальных регуляторов, имеющий четкую нормативную определенность;
- социальный институт, оказывающий необходимое правовое, в том числе репрессивно-принудительное воздействие на общественную жизнь;
- институционально-объективированная позитивная правовая свобода личности, государства и общества;
- один из видов информационного компонента социокультурного пространства.

Итак, проблему наличного бытия права следует рассматривать с позиции различения естественного и позитивного права. В то же время само естественное право является отражением его *легального* определения; иначе говоря – в зависимости от того, что именно разумет под естественным правом правовая доктрина того или иного государства.

Личность формируется на биопсихическом субстрате человека, поэтому очевидно, что субъективное, изначально имманентное ему, *априорное* право индивидуальности (а отразивший и оценивший явление, событие, окружающий мир индивид выступает уже как индивидуальность) может не совпадать с его доктринальным, легистским содержанием.

Априорное право («правовое априори» у Й. Месснера) является нам как интуитивно-разумные, чувственные, концептуальные и материальные претензии индивида на эти явление, событие, окружающий мир и «способствует пониманию особых правовых обязанностей в простых случаях, а тем самым и общественного порядка в его *основных* отношениях» [19].

Основоположник психологической теории права Л.И. Петражицкий также утверждает, что субъекты правового общения в своем поведении руководствуются не столько юридическими нормами, сколько *этическими* переживаниями, «эмоции которых имеют атрибутивный характер и связаны с притязанием» [20]. Не позитивные нормы, а «императивно-атрибутивные

переживания и нормы» интуитивного происхождения из области эмоционального, импульсивного ставятся им во главу угла. Правом оказывается не только многое такое, что находится вне ведения государства, не пользуется положительным официальным признанием и покровительством, но и многое такое, что со стороны государства встречает прямо враждебное отношение, подвергается преследованию и искоренению, как нечто противоположное и противоречащее праву в официально-государственном смысле. Поэтому «определение права должно обнять и те нормы, которые нам представляются неразумными, которые не содействуют достижению разумных целей» [21].

Представляется, что концепции правового априори Й. Месснера и интуитивно-атрибутивного права Л.И. Петражицкого затрагивают глубины человеческой психики, касаются проявления тех аспектов бессознательного в становлении личности, которые оказывают определяющее влияние на имманентное человеку правопонимание и последующее правовое поведение в обществе.

Понимание права как выражения и инструмента суверенной воли, совокупности естественного и позитивного (государственного, политического) права – это более поздний этап становления человека, этап его социализации. Равно как невозможно ограничить человека в его социализации, обращении к миру людей, невозможно асоциально идеализировать его внутреннее, априорное право. Ибо именно в результате социализации человек находит свою потребность в *другом* праве, в праве, господствующем в мире людей; в общелюдском, и именно в силу этого *законном* праве (в праве, как материализованной модели социального порядка).

Корни проблемы формирования правовой культуры личности (в контексте сугубо индивидуального правопонимания и правового поведения) покоятся именно здесь, на этапе индивидуализации человека, осознания им себя частью Вселенной, частью Универсума. И отражение, и оценка – все выступает в контексте права индивида именно на *такие*, именно на *эти* отражение и оценку.

Поэтому в каждом конкретном случае справедливость, правильность, *правдивость* социального всегда изначально, априорно воспринимается человеком (индивидуальностью) по-разному, не одинаково и, уж конечно, – безотносительно к общепринятой либо нормативно установленной правовой реальности – к морали и позитивному закону.

Такая двойственность человеческого суждения детерминирована дихотомией права, онтологической диалектикой права, его обращенностью, с одной стороны, к морали, с другой – к закону.

В проблеме соотношения права и социума Ю. Хабермас рассматривает право как компенсатор неустойчивости социальной реальности. Современное буржуазное право, подчеркивает он, полностью позитивно, лишено сакральных, метасоциальных гарантий, а его источник – случайность фактической деятельности законодателя, угрожающая стабильности общества. Но правовой порядок черпает свою нормативную силу из общего консенсуса, обеспечиваемого неограниченным коммуникативным действием. Именно коммуникация, коммуникативное социальное взаимодействие подразумевает возможность конструктивной критики законодателя, а право оказывается структурой опосредования такого взаимодействия [22].

Говоря о законе, напомним, что, начиная еще с древних времен, справедливость рассматривалась как более конкретная, нежели свобода и равенство, категория; как более «правовая», правильная, нежели равенство, и имманентная, внутренне присущая «правильной» же свободе. Не случайно

именно из справедливости античная философия стремилась выводить закон. Действительно, справедливо равенство среди равных, и справедлива свобода равных, взаимно ограничивающая свободу друг друга. Это уже не просто недостижимый идеал, как абсолютная свобода, и не просто абстрактная мера, «неразрешимый предел», как формальное равенство; это элемент социальной связи и сама социальная связь как таковая, предшествующая установленным в обществе нормам и ценностям и осуществляемая, что особенно важно, *без единой для всех меры*. Поэтому справедливость (*aequitas, iustitia, justitia*) есть само *минимальное правосудие* [23], индивидуальное, личностное, самостоятельное, *досоциальное и внесоциальное* (по мере своего разумения) суждение лица о достойном и правильном; справедливость как право индивида обо всем судить и все вокруг оценивать.

Справедливость (правда, правосудность), таким образом, *есть основополагающая универсалия права*; та ее сущностная черта, которая именно и прежде всего выступает источником, лейтмотивом и целью всей созидательной человеческой деятельности: от конкретного человека и неинституциональной социальной общности до любого практически государства и межгосударственного образования – социальной общности самого высокого порядка.

Таким образом, мы видим как велико различие, которое существует между философским и юридическим пониманием права как социального феномена, между его концептуальным и номологическим содержанием, его, следовательно, неодинаковой обращенностью к человеку и взаимообращенностью от человека к обществу и государству как инициатору, источнику писаного права.

С философской точки зрения право есть феномен социума; оно было до возникновения государства, будет оно и после его исчезновения. Право перманентно и вездесуще: как правильность оно в нас, как правда и справедливость – вокруг нас, как правомерность и закон, «обласканный» идеями свободы и равенства, оно вносит в нашу жизнь элемент государственной воли. Такое понимание права, подлинно интегративное, мы считаем наиболее верным, раскрывающим и охватывающим одновременно все грани, слагаемые, все стороны и элементы права: свободу, равенство, справедливость и закон.

Феномен права в том и заключается, что симбиоз естественного права и права позитивного внутри самого *права* органичен; он объективен и, более того, существует безотносительно к законодательству как материализованному балансу естественного и позитивного права в государстве.

Само право, таким образом, выступает в жизни людей универсальной категорией. Поэтому и окружающий, но в то же время содержащий в себе человека непознанный им полностью Мир, и освоенная им уже Среда для человека во всей своей многомерности и многогранности предстают одновременно как *правовой социум*.

Правовой социум можно определить как специфически функционирующую коммуникацию людей, как динамическую сторону социума, как бытие людей в их совместном стремлении к достижению социального порядка и всеобщей справедливости, с отраженными в социально ориентированной деятельности *их* представлениями о праве, его месте и регулирующей роли во всем спектре человеческих отношений [24].

В нем действуют две закономерные, но противоположные тенденции – стремление к порядку и стремление к беспорядку, стремление к оптимальному и

достаточному нормативному регулированию и стремление к чрезмерной зарегулированности общественных отношений. Правовой социум предстает одновременно и как идеальная модель (требование укрепления законности в целях буквального, но обездушенного соблюдения буквы закона, с одной стороны, и искание человеком «своей» правды, – с другой), и как реальное бытие социального порядка, как воплощенное единство потенциального и актуального правового порядка.

Феномен правового социума в том и состоит, что и в зависимости, и вне зависимости от воли единичного человека, в цивилизованном обществе все исходит из идеи права, детерминировано им, облекается в правовую (в философском понимании этого слова) форму и приводит к новации, рождению нового уже по сути права для переосмыслившего право в себе человека, как, равно, и социальных общностей, также состоящих из людей с их внутренним миром правопонимания и проявляемой в социальной деятельности правовой культурой.

И поскольку право неизменно присутствует во всех сферах жизнедеятельности *безусловно каждого* человека, любой социальной общности, что предопределяет его исключительную социальную значимость, постольку со всей определенностью можно говорить не только о праве как феномене универсума, но о *бытии правового социума*. Следовательно, объективно сложившийся в системе «Универсум – Человек» правовой социум оказывается включенным в социум как Среду, как «поле действия» [25], как освоенный человеком Универсум. Однако одновременно правовой социум выходит за ее пределы (априорное, интуитивное право, правовые переживания, правовые мечты), растворяясь в Универсуме как совокупности всех форм потенциального и актуального бытия.

Литература и примечания

1. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 99.
2. Мамут Л.С. О многоэлементности права. // Государство и право. 2003. № 8. С. 108–109.
3. Гегель. Философия духа / Сочинения. Т. III. Ч. 3. М., 1956. С. 228–231.
4. Иванов А.Н. Методология правового социума: Монография. Н. Новгород, 2005.
5. Малахов В.П. Философия права. М.; Екатеринбург, 2002. С. 251
6. Философия истории: Учебное пособие / Под ред. А.С. Панарина. М., 2001. С. 140.
7. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2001. С. 490.
8. Керимов Д.А. Методологические функции философии права // Государство и право. 1995. № 9. С. 18.
9. Подробнее см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
10. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 408.
11. Интересно, что если все исследователи едины в определении распределительной справедливости, то второй вид политической справедливости разные источники характеризуют по-разному: направительной, уравнивающей, компенсаторной справедливостью.
12. Аристотель. Никомахова этика // Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 150 (1130 в 30). Следуя немецкой традиции, Г. Шпренгер первый вид рассматривает

- как справедливость коммуникативную, второй – как дистрибутивную. – См.: Шпренгер Г. Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости // Государство и право. 2004. № 5. С. 18–20.
13. Аристотель. Никомахова этика // Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 160 (1134 б 30–35).
  14. Аристотель. Политика // Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 592 (1324 б 25).
  15. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Часть первая. Метафизические начала учения о праве // Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 143.
  16. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 247.
  17. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 19. С. 19.
  18. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 48.
  19. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2001. С. 619.
  20. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1909. С. 85.
  21. Там же. С. 302.
  22. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 199–204.
  23. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 1990. С. 448, 450.
  24. Систему правового социума образуют уходящие к глубинам сознания и индивидуальной психики правовые потребности и способности людей, выражающиеся в их правовой деятельности, развертываемой в правовых институтах посредством правовых отношений.
  25. Зеленов Л.А. Система философии. Н. Новгород, 1991. С. 47.

The article by A.N. Ivanov «The Concept of Right as Justice in the Conditions of Social Communication» considers traditionally divided right as justice and ethics (moral rule or principles of behaviour governing a person or group) as a dialectical integrity.